КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА: ПОТРЕБНОСТЬ В ДУХОВНО–ИНФОРМАЦИОННОМ ДЕТЕРМИНИЗМЕ

УДК 361.7

В.Д. ПОПОВ

Обратимся к общепринятому энциклопедическому определению культуры. Культура (от лат. – cultura – возделывание, воспитание, развитие, почитание), как указывает «Новая философская энциклопедия», – это *система исторически развивающихся программ человеческой жизнедеятельности, обеспечивающая воспроизводство и изменение социальной жизни во всех основных направлениях, сферах свободной реализации личности* (подч. нами – В.П.). То есть, речь идет *о социальной культуре,* включающей в себя совокупность культур – политической, экономической, правовой, нравственной и т.д. Культура обеспечивает воспроизводство и изменения во всех основных направлениях и сферах социальной жизни, следовательно и прежде всего – *в экономической сфере*, тем более в условиях рыночной экономики, где предполагается свободная реализация личности предпринимателя, управленца, хозяина. В особенности – культурного предпринимателя, культурного хозяина. Экономическая культура, культура управления актуализируются в малом, среднем и крупном бизнесе. Но в России, в силу архетипических особенностей государства, развитию экономической культуры «вниз» должна соответствовать культура управления экономикой «сверху». Возникает проблема культурной идентичности экономики в философско-политологическом контексте. К сожалению, «программа человеческой идентичности» отсутствует в «Стратегии-2200». Вновь доминирует даже не технократический, не производственно-экономический, а либерально-финансовый детерминизм.

В данном контексте целесообразно обратиться к классическим разработкам русской философии о роли силы духа, духовной культуры в экономическом возрождении России. Вспомним, что в основе духовного возрождения России, а следовательно, и ее экономического могущества (согласно концептам русской философии по И. Ильину, Н. Лосскому, Н. Бердяеву, С. Булгакову, С. Франку и др.), *лежит сила духа нации, аккумулированная в культуре*, в особенности в ее ментальном ядре. Так, в книге «Наши задачи» И. Ильин пишет: «Государственное водительство имеет свои пределы, которые определяются, во-первых, *достоинством и свободой личного духа,* во-вторых, *самодеятельностью творческого инстинкта человека...* Мы все – от правителя до простого обывателя – *должны научиться узнавать людей качественно-духовного заряда и всячески выдвигать их...* Ведущий слой призван вести, а не гнать, не запугивать, не порабощать людей. Он призван *чтить и поощрять свободное творчество ведомого народа*» [7, с. 215, 217].

Без этого, по заключению И. Ильина, невозможно возрождение сильной России. Сегодня в элитологии (науке об элитах) о роли класса чиновников говорится лишь в контексте политической культуры, а им надобно овладевать логикой развития духовной культуры, стержнем которой является совесть. Ведь именно дефицит совести, бездуховность лежат в основе мотивации коррупции, рэкета, спекуляции, беззаконного передела собственности.

Русский мыслитель С. Булгаков в работе «Философия хозяйства» обозначил зависимость эффективного хозяйствования от состояния психики, души, духа работающих людей. Н. Бердяев в работе «Судьба России» указывает, что «тайна русской истории» и «тайна русской души» раскрываются через противостояние русского характера экономике «империализма», хотя в прошлом он послушно приветствовал его. Можно продолжить и далее, но перейдем к современным исследованиям.

Так, Г. Гольц связывает в один узел «коллективную психологию», «менталитет», «культуру» и «экономику» [4, с. 64–82] при решающей роли духовности. Коллективная психология – «часть» социальной психологии, изучающей малые и большие социальные группы. К.Г. Юнг ввел в науку понятие «коллективное бессознательное», Э. Фромм – «социальное сознательное» и «социальное бессознательное». Менталитет – центр бессознательной жизни социума и детерминатор сознания. Ментальный уровень

культуры является базисным, детерминирующим все другие уровни ментальности: глубинно-психологический, подсознательный и сознательный, вершинный, духовно-ноосферный.

Отсюда два вывода. Во-первых, следует считаться с проявлениями: а) ментально-коллективной, социальной (общественной) психологии; б) неразделимости души и духа *в коллективном, социальном, национальном духе. Или в духе нации, социума, коллектива, личности.* Во-вторых, если согласиться с утверждениями, что: 1) «душа – информационный сгусток всей духовной практики человека»; 2) «дух – идеальная программа для конкретной души» [4, с. 70], то необходимо изучение душевного, психического потенциала нации, но для этого нужна культурная программа. А если такой программы нет? Тогда возможен стихийный духовный взрыв в точке бифуркации. Сегодня при осуществлении реформ в России происходит *явная недооценка потенциала народного духа.* Он остается нереализованным. А. Панарин на экзистенциальном уровне обосновал значение духовной власти.

Современные философы подчеркивают, что субстанцией и субстратом общечеловеческой культуры является дух. «Дух – 1) высшая способность человека, позволяющая ему стать источником смыслеполагания, осмысленного преобразования действительности...; 2) идеальная правящая миром сила, к которой человек может быть активно или пассивно причастен» («Новая философская энциклопедия»). Правда, они же признают, что проблемой духа в философии в последние десятилетия никто не занимается.

Подчеркнем, что дух как «высшая способность» человека, а значит и социума, как «правящая миром сила» может быть «активно или пассивно причастен» к происходящим в мире и стране событиям. Нация может обладать высоким духовным потенциалом, но он может оказаться как активным, так и пассивным. Всё зависит от проводимой политики. Но нация может таковым потенциалом и не обладать, тогда ей нужна (как аккумулятору) подзарядка. Иначе возникает угроза ухода этноса в фазу реликта (разложения и исчезновения). Выходит, что для активного проявления потенциала силы духа или для его подъема нужна духовная власть. Для России, с ее архетипическим наследием монархической власти, где веками всё дозволенное считалось благодеянием государя и государства, нужна и государственная, и гражданская духовная власть. Ведь в ее руках современные инструменты культурной, информационной, массмедийной политики. Если этого нет, то дух будет пребывать в дремлющем состоянии, и разбудить его будет некому. Или его разбудят новые пассионарии-революционеры.

Примечательно, что Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл одну из своих книг назвал «Сила нации – в силе духа». Нельзя считать, что духовная власть может и должна принадлежать только церкви. Это большое заблуждение. Не меньшую духовную власть могут и должны иметь (и имеют) государственные и гражданские институты. И институты научные. Без одухотворенной власти невозможно раскрыть силу духа народного и, как свидетельствует экономическая и политическая история России, невозможно построить сильную страну, обеспечить ее защиту.

Об этом точно сказал народный художник России, ветеран Великой Отечественной войны Сергей Ткачёв: «Говорят, войну выиграл народ. Правильно говорят. И не столько силой оружия, сколько силой духа. То есть, благодаря нашей великой культуре, которой эта сила питается» [Литературная газета. 2010. 23–29 июня].

И власти, и народу необходимо понять, что духовность, духовная культура, духовное производство – функции духа. Точнее – силы духа. Мощный дух питает волю личности. Похоже, что сегодня у одних этносов дух пассивен, у других – агрессивен. Наряду со «светлоэфирным эгрегором» (светлые силы духа) в психологии некоторых этносов присутствует «темноэфирный эгрегор» (темные силы духа) [11, с. 24–74]. В этих условиях наивно надеяться на культурный взрыв, на духовный прорыв. Более вероятен взрыв социальный или межэтнический. А это самый нежелательный сценарий: судьба Югославии у всех в памяти.

В функциональном плане философы и культурологи подчеркивают детерминантную взаимосвязь материальной и духовной культур, единство материального и духовного производства. Эти процессы развиваются по объективным социальным, социологическим законам и формируют целостность материальной и духовной жизни общества (А.К. Уледов). Но сегодня в этом диалектическом единстве появился посредник – информационное производство. Информационная культура способна объединить материальное и духовное производства.

Одним из субстратов, обеспечивающих единство материального и духовного, согласно В. Бехтереву, Н. Луману, Ю. Хабермасу, Э. Тоффлеру, *являются коммуникация и информация*. Информационное производство – это процессы отражения, формирования информации, ее интерпретации, осознания, потребления, осмысления и выработки мотива поведения, в том числе поведения экономического. То есть коммуникация, обмен информацией обеспечивают развитие души и духа социума, материальной и духовной культуры, материального и духовного производства, обеспечивают их единство. Это единство создают два феномена: социальная коммуникация и социальная информация – при условии, что их потенциал задействован в культурной и информационной политике.

Единство материального и духовного производства создает эффективную экономику, если считать, что главным ее субстратом является человек, его духовный, интеллектуальный потенциал, а не товар и деньги. Да и деньги создает тоже человек. А человек по своей сущности есть неразрывное единство психических, духовных, интеллектуальных, социальных, коммуникативных и информационных свойств.

Сказанное выше позволяет сформулировать гипотезу: *культура, сила духа человека, нации определяет прогресс в экономике, а не наоборот.* Неважно, что первично, что вторично в привычном философском детерминизме, – важнее и значимее для социальной практики их равный статус, партнерство, взаимосвязь. Словом, их системность.

В этом смысле вполне закономерен культурно-детерминистский взрыв, который произошел в последние годы в осмыслении экономических процессов. Удивительно, но факт: проблему обусловленности экономики культурой, духовностью, нравственностью очень остро поставили ученые экономисты.

Россия нуждается в своем нравственном идеале. Он есть, он живет в ментальном слое народной культуры в форме сказаний, пословиц, поговорок, норм быта, обычаев, символов и т.д. Задача – вытащить его из этих глубин и трансформировать в нравственный свод законов, который бы формировал силу духа российского суперэтноса. Без этого разговоры, призывы к модернизации экономики окажутся пустыми словами.

Необходимо восхождение всех общественных институтов от низших форм классического (уже отжившего в западных странах) капитализма с его «рыночным фундаментализмом» (Д. Стиглиц) – к высшим, нравственным, духовным. Нужен прорыв или, пользуясь выражением П. Тейяра де Шардена, «прострел» от инстинктов – к мысли, к смыслу, идеалу жизни страны.

Доктор экономических наук, профессор Е.Е. Румянцева убедительно показывает, что «нравственность вплетена в сущность экономического развития» [12, с. 3]. Она сформулировала восемь общих «нравственных законов экономики» и четыре специфических. Укажем на «первый всеобщий закон нравственности». Он сформулирован так: «В основе развития любых общественных институтов находится уровень нравственного развития того или иного общества. По мере повышения уровня нравственного развития происходит и восхождение всех общественных институтов от их низких (искаженных, негативных) форм к высшим» [12, с. 67].

Боль пронзает душу, когда читаешь статью нашего единственного из ныне живущих в России лауреата Нобелевской премии Жореса Алферова. Он пишет: «Мы живем сегодня в стране, где самой важной категорией стали деньги. Они сегодня выше нравственных идеалов, а часто даже родственных отношений. Патриотизм, естественное желание видеть свою страну первой для очень многих уже устаревшие понятия» [14]. Тысячи ученых, уставших от беспредела в стране, покидают Родину. Уехавшие на учебу в Европу дети богатых родителей смотрят свысока на «нищую Россию» и не намерены возвращаться.

В одном из интервью под заголовком «Капитал справедливости» академик О.Т. Богомолов [9], руководитель проекта «Экономика и общественная среда», раскрывает понятие «неэкономические грани экономики». Вот что он утверждает:

– человек, его культура, знания, умения, здоровье, душевное состояние имеют ключевое значение для возрождения России;

– экономическая система, построенная только на стремлении к наживе, на равнодушии к судьбе человека, на пренебрежении к нравственным нормам, может рухнуть в любой момент, погребая под своими обломками судьбы людей;

– безнравственная экономика неэффективна, более того – нежизнеспособна и опасна;

– нужно определить стратегические приоритеты не столько в экономике, сколько в духовной и социальной сферах.

«У народа потеряна идея жизни, – считает писатель Даниил Гранин. – Куда мы идем? В чем наша цель?». Известно, что в основе нравственности лежит совесть. Значит, она и в основе экономики. «Сейчас, – продолжает Д. Гранин, – культ денег. А от совести – только неудобства» [6]. *А ведь на совести зиждется закон социальной справедливости – хранитель спокойствия и благополучия, сформулированный во всех мировых религиях*. Только одни народы его соблюдают, другие – частично, третьи – не соблюдают вовсе. В России, пожалуй, больше всего грешников. О совести и совестливости пишут писатели, поэты, ученые. Но властная элита глуха к их откровениям. А честные, совестливые люди мучаются в переживаниях. Прав поэт Андрей Дементьев, утверждающий, что «трудно жить в этом мире, если совесть жива» [5].

Выход один – прорыв и взрыв совести, нравственности нам нужен, чтобы очистить экономику от скрытой и явной коррупции, от разворовывания, распила бюджета. Заметим, что в основе правил экономического поведения лежит нравственность: в США в основе протестантская этика, у немцев в крови – порядок, в Китае – нравственные законы конфуцианства.

Что же получается? А получается, что по своей значимости культура не ниже, а даже выше экономического детерминизма, когда всё управление сводится лишь к экономическим рычагам. Экономика ради экономики без опоры на силу духа нации ведет к кризисам, застоям, банкротствам. Есть мудрое изречение: «Не хлебом единым жив человек». Пока же в экономике доминирует по-прежнему детерминизм традиционный – экономический в виде монетаризма при дефиците системного подхода.

Если «тормозом реформ является русский менталитет», как считает Е. Ясин [13], то возможно было в течение реформирования экономики скорректировать его на основе принципа единства культурной, экономической и информационной политики с акцентуацией их на лучшие черты русского характера, его глубинной, ментальной культуры. Особую роль здесь могла бы сыграть информационная культура на уровне всех субъектов власти и институтов гражданского общества, журналистики как социального института. Но об этом новом виде культуры умалчивается.

Если согласиться с тезисом кинорежиссера Андрея Кончаловского *«чужая экономика ломается на нашей культуре»* [1], то экономика должна соответствовать национальной культуре как синтетическому продукту религии, истории, глубинной национальной психологии, фундаментальным чертам национального характера российского суперэтноса. В условиях же культа денег и дефицита совести экономика действительно «ломается», ведь совесть – нравственное ядро нашей культуры, ядро «Сверх-Я», то есть сверхсознательное, мудрое, талантливое.

И.Т. Янин пишет: *«Реформирование страны единственно возможно на основе ее Культуры: духовной, нравственной, экономической, правовой, политической... Истинная модернизация возможна... Ключ к ее успеху лежит не в области финансовых манипуляций и передаче собственности в духе «беспредела», а в области Культуры с большой буквы – экономической, политической, правовой и, прежде всего, гражданской»* [15, с. 3].

Чем вам не культурный взрыв или взрыв культурного детерминизма? Но это пока в потенциале, в теоретическом прорыве. Заметим, что автор демонстрирует системный подход – соединяет воедино все основные виды культур, начиная с экономической.

Не менее решителен С. Глузман, утверждающий: *«Экономика всегда вторична по отношению к идеологии и культуре»* [3, с. 277]. Оценим этот вывод, например, в контексте философского (и кажется, не опровергнутого) постулата: «Сознание не только отражает, но и творит мир» или формулы «Кто владеет информацией, тот владеет миром». И еще: здесь проявляет себя «культурно-историческая психология» (Л. Выготский), психология восприятия культурной информации (когнитивная культура), детерминирующая «когнитивную экономику» (да, есть и такая!).

Президент Союза предпринимателей и арендаторов России А. Бунич приходит к выводу о том, что в проведении реформ надо *«опираться только на дух,* на патриотически настроенную часть общества, на тех, кто может пожертвовать своими частными интересами... Только тот, кто пойдет... против ущербной рациональности «потребительского общества», только тот сможет сломать негативные тенденции, создать новое, повести за собой людей» [2]. Заметим, что автор этих строк актуализирует диалектику личных и общественных интересов, нерационального, ущербного и нового, обращаясь к силе духа в целях изменения духовной атмосферы в обществе, сложившейся вокруг экономики.

Отрадно, что роль нравственного, духовного фактора признали в числе первых крупные ученые, и не только экономисты. Об этом идёт речь в фундаментальном научном труде «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние», созданном группой ученых под руководством О.Т. Богомолова и Б.Н. Кузыка и скромно названном ими «научными и публицистическими заметками обществоведов». Дай Бог нашим министрам создать нечто подобное таким «заметкам»!

В книге речь идёт о назревшем духовном потенциале, его возможном и очень нужном взрыве или прорыве. Всякий процесс обретения нового протекает болезненно, особенно у «классических» экономистов, но всё же новое свое берет. Развиваются креативные сектора экономики – экономика коммуникаций, экономика знаний, экономика услуг, информационная экономика. Но и они поражены дефицитом нравственности.

Сказанное выше позволяет сделать следующие выводы:

1) Следует различать культурное управление всеми сферами жизнедеятельности людей (культурой в широком смысле), в том числе и прежде всего экономической сферой, и управление собственно культурной сферой.

2) В условиях информационной цивилизации (Р. Абдеев), «информационной эпохи» (М. Кастельс) наряду с материальным (в основном, экономическим) и духовным (в основном – культурным) производством формируется (сформировался) новый вид общественного производства – *информационное производство*. Оно связывает воедино всё общественное производство, поскольку коммуникация и информация – средства управления всеми сферами жизнедеятельности людей. Данное обстоятельство детерминирует проблему разработки *информационной культуры социального управления,* которая может решать другую, судьбоносную для России проблему идентичности: экономической, этнической, культурной, социально-психологической, а главное – ментальной (в позитивном смысле).

3) В контексте приведенных выше положений правомерен и такой тезис: одной из причин финансово-экономического кризиса в мире и стране является *дефицит общей культуры и культуры делового общения* внутри глобального и отечественного бизнеса, между властью и бизнесом, между бизнесом и народом, о чем свидетельствует анализ проявления *реальной и виртуальной информации в экономике*.

4) Согласно закону ментальной идентичности, российская экономика должна в первую очередь учитывать глубинную психологию российского народа, его ментальную культуру, исторический опыт, объективные связи прошлого, настоящего и будущего. Но важно и другое – считаться с законами общецивилизационного развития, законами глобализации, развития мировой культуры, заимствовать лучший опыт у других стран, но только тот, который органично вписывается в нашу ментальную психологию и культуру. Не копировать и не подражать вслепую. *Разумеется, в менталитете российского народа есть много как положительных, так и отрицательных черт. Поэтому нужна тонко и точно настроенная программа его коррекции,* которая бы возвышала положительные и вытесняла отрицательные качества в национальном характере. Средства – грамотная информационная и культурная политика государства. Смогли же немцы вытеснить, пригасить в себе комплексы ущербности, неполноценности, владевшие ими после разгрома нацизма. То же сделала Япония. Парадокс: страна-победительница развалилась. И оказывается, по мнению ученых мира, по причине кризиса культурно-психологической идентичности. Сегодня для России важно *осознать себя и себя среди других*. То же самое сделать каждому этносу, народу России во имя сохранения ее целостности.

5) Подчеркнем, что речь не идет об умалении экономического детерминизма, объективно требуется его единство с культурным детерминизмом (культурным управлением экономикой) и информационным детерминизмом и информационной культурой. В этом суть системного подхода в управлении.

6) Трудно не согласиться с умозаключениями Й. Хейзинги о кризисе культуры и науки, о культуре, о недооценке роли духовности в мировом цивилизационном процессе, о «прогрессирующем разложении культуры», о «нынешнем кризисе культуры», о заблуждениях человечества в поиске идеала сообщества, о «видах на будущее» в выявлении истинных причин нарушения «равновесия между материальными и духовными ценностями» в сторону доминирования первых, что ведет к кризису общества будущего. Отсюда следует, что перед наукой стоит задача разгадать

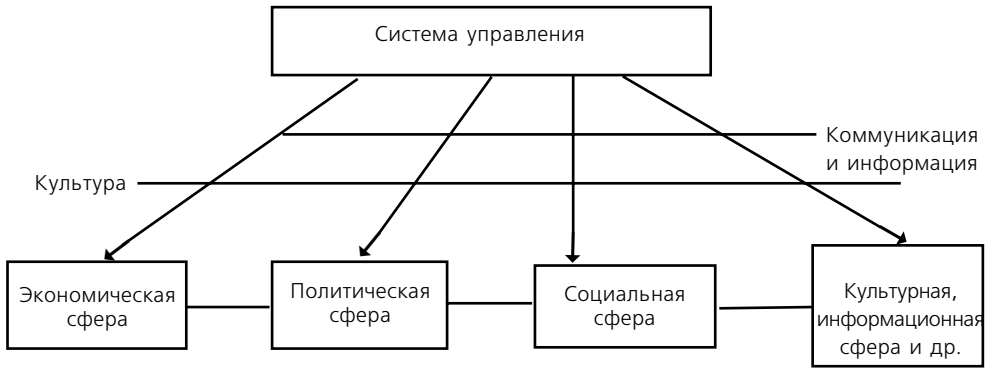

Рисунок 1. Культура в управлении сферами

«тайны» формирования силы духа нации. А перед практиками – осознать потенциал культуры в преобразованиях общества и грамотно его реализовать. Истоки эффективности – в катарсисе, в очищении состояния духа. Данный подход представим в виде схемы «Система управления сферами жизнедеятельности людей» (рис. 1).

М. Мамардашвили писал: «Под «культурой» я понимаю некий единый срез, проходящий через все сферы человеческой деятельности» [цит. по 8, с. 16]. Представленная схема отражает данный подход. На ней показана роль информационного и культурного управления всей жизнью социума на основе системного, структурно-сферного, социально-информациологического и культурологического подходов. Они отражают новое понимание проблемы детерминизма в социальном прогрессе. Детерминизм должен быть комплексным, системным, а не однобоким.

Прав М.С. Каган, считающий, что культура – «система, выступающая мерой и способом формирования и развития сущностных сил человека в ходе его социальной деятельности» [8, с. 17]. Но любая система требует управления. Культура управления есть система, мера и способ раскрытия сущностных сил человека в его созидательной социальной деятельности. Управление экономикой с помощью экономики, политикой на основе политики, культурой только с помощью специфически культурных средств – это уже устаревший подход в управлении. Если не кризис...

1. Бунич, А. Переменить атмосферу [Текст] / А. Бунич // Литературная газета. 2011. 31 августа – 6 сентября.
2. Глузман, С.А. Ментальное пространство России [Текст] / С.А. Глузман. СПб: Алетейя, 2010.
3. Гольц Г.А. Культура и экономика России... Т.1. Новосибирск, 2002
4. Гранин Д. «Сейчас культ денег. А от совести – только неудобства?!» // Аргументы и факты. 2004. № 46.
5. Дементьев, А. Назначенные сроки [Текст] / А. Дементьев // Литературная газета. 2010. 20–26 октября
6. Ильин И.А. Наши задачи. В 2 т. М., 1992. Т. 1.
7. Каган М.С. Философия культуры. СПб, 1996.
8. Капитал справедливости [Текст] // Литературная газета. 2011. 13–19 апреля.
9. Кончаловский А. Чужая экономика ломается на нашей культуре [Текст] / А. Кончаловский // Аргументы и факты. 2005. № 10.
10. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов [Текст] / Рук. междисципл. проекта и науч. ред. О.Т. Богомолов; зам. рук. междисципл. проекта Б.Н. Кузык. М.: Институт экономических стратегий, 2010.
11. Попов, В.Д. Духовно-информационная сила эгрегора [Текст] / В.Д. Попов. М.: Изд-во РАГС, 2010.
12. Румянцева, Е.Е. Нравственные законы экономики [Текст] / Е.Е. Румянцева. М., 2009.
13. Русский менталитет мешает реформам [Текст] // Известия. 2005. 14 апреля.
14. Убеждений не меняю [Текст] // Литературная газета. 2011. 19–25 октября.
15. Янин И.Т. Культура против кризиса, или Искусство жить в России. Калининград, 1999.